

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕЛИ И СМЫСЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рецензия на книгу
**Федотова В.Г. Модернизация и культура. – М.:
Прогресс-традиция, 2016. – 336 с.**

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

sizemskaya@mail.ru

Цитирование: СИЗЕМСКАЯ И.Н. (2017) Социокультурные цели и смыслы модернизации. Рецензия на книгу: *Федотова В.Г. Модернизация и культура. – М.: Прогресс-традиция, 2016. – 336 с. // Философские науки. 2017. № 3. С. 136–144.*

На сегодняшний день значительно внимание исследователей к проблемам модернизации, причем абсолютно разного профиля – философов, социологов, экономистов, политологов, психологов, этнографов, демографов, культурологов. Бесспорно, это свидетельствует о масштабности модернизационных процессов и связанных с ними изменений в жизни современного общества. Модернизация в наше время предстает как социокультурный процесс обновления исторически сложившихся форм и способов материальной и духовной жизнедеятельности людей, проживающих в разных регионах мира, принадлежащих к разным религиозным конфессиям и национальным общностям. В этом смысле она есть *Реформа нашего времени*. За ее вызовами стоят требования, предъявляемые современностью не только к темпам и направленности экономического роста, но и к организации мирового порядка, к существующей системе ценностных и культурных предпочтений, к политическим формам общественной жизни, к системе гражданских прав и обязанностей человека, – требования, выражающие общую тенденцию разноректорного поступательного движения современного мирового пространства, *тенденцию к обновлению*. Сегодня модернизация, с одной стороны, инициирует изменения, которые становятся «знаками» современности (трансформация общества в «общество знания», культуры – в «массовую культуру», гражданского общества – в сферу свободного волеизъявления и др.), с

другой стороны, выявляет жесткую зависимость позитивности сопровождающих ее процессов от готовности общества ответить на ее вызовы. Но в сложившихся в общественном сознании представлениях о модернизации, в ее многочисленных теориях и унифицированных моделях *социокультурная полифоничность модернизации* чаще всего не учитывается и не просматривается. Более того, объектом внимания становится не она сама, а средства ее достижения и внешние индикаторы, которые, конечно, характеризуют ее отдельные проявления (например, процесс индустриализации), но не сводимы к ней самой. Иными словами, из поля зрения выпадает главное: модернизация есть свидетельство *нового цивилизационного состояния человечества*. Исследования и издания последних лет, правда, корректируют сложившуюся познавательную ситуацию. Среди изданий такой направленности обращает на себя внимание монография В.Г. Федотовой «Модернизация и культура» [Федотова 2016].

Указанный автор давно и много пишет о проблемах модернизации и каждая ее работа становилась заметной вехой в исследовании темы. Она одна из первых предложила социально-философскую концепцию модернизации, обосновала и реализовала инновационные, перспективные направления комплексной разработки проблемы [Федотова 1997]. Под ее редакцией вышли коллективные труды, рассматривающие разнообразные вопросы модернизации в рамках предложенного ею подхода [Федотова 2010; Федотова 2012; Федотова 2013; Федотова, Колпаков 2014].

С исследованиями Федотовой связано утверждение понятия модернизации в качестве ключевого в интерпретации происходящих сегодня трансформаций в различных обществах, политических смыслах и социокультурных целях современного миропорядка, в рассмотрении трендов мирового развития. Научная новизна книги В.Г. Федотовой определяется решением поставленной автором задачи: рассмотреть три исторически неоднородных пути модернизации — модернизацию Запада, догоняющую Запад модернизацию незападных стран и начавшийся в XXI веке новый процесс модернизации, опирающийся на собственные культурные особенности. Этот тип модернизации является «знаковым» для нашего времени в том смысле, что фиксирует факт осуществления модернизационных трансформаций при участии и значительном влиянии культуры. «Модернизация модернизирующихся ныне стран, — пишет Федотова во «Введении» — перестала быть догоняющей Запад и, хотя предполагает вестернизацию и не отклоняется от усвоения любого другого позитивного опыта... ее главный смысл — решение проблем своей страны, инновационное развитие не только в технико-экономической сфере, но и в сфере социальной, культурной, этической, в сфере формирования человека и пр.» [Федотова 2016, 23]. В этом когнитивном контексте автором рассматривается проблема возможности таких трансформаций капиталистической системы, которые с необходимостью ставят вопрос: «Но будет ли это тогда соответствовать капитализму? Или можно будет считать, что капитализм стал другим?» [Федотова 1997]

Актуальная значимость рецензируемой книги состоит в том, что в этом методологическом ключе, под знаком этого вопроса рассмотрен истори-

ческий и сегодняшний опыт России. Начиная свое исследование, автор справедливо замечает, что любая из моделей модернизации — вестернизация, «догоняющая модернизация», национальная модернизация — по сути являются собой абстрактные схемы, если не включают вместе с общечеловеческими национально-культурные составляющие исторического процесса. В качестве страны, обращение к которой позволяет адекватно понять и оценить роль каждой из названных форм в историческом движении и смене эпох, а также увидеть в модернизационных изменениях соотношение архаики, традиции и новации автор обращается к опыту России, начиная с преобразований Петра I, положивших начало «процессу вступления на путь достигнутого в это время Западом уровня модернити (современности)» [Федотова 2016, 301], и заканчивая нашими днями.

Для меня в силу моей профессиональной специализации этот материал монографии представляет особый интерес, а в нем — глава «Российская история в зеркале модернизации». Написанная ярко, прекрасным литературным языком, с привлечением обширного историографического материала, глава убеждает в правоте авторской исходной позиции: *этапы модернизации могут и должны быть рассматриваемы в качестве критерия периодизации развития российского общества*. Более того, именно они дают достоверное и научно оправданное основание для фиксации перехода от «России исторической» к «России современной». Решение этой философско-исторической задачи, на мой взгляд, автору монографии в полной мере удалось и, что следует отметить особо, удалось впервые в отечественной литературе. Выбранная парадигма позволила Федотовой, *во-первых*, посмотреть на историю России с принципиально новых методологических позиций, расставив акценты, позволяющие увидеть не только прошлое в настоящем, но и настоящее в прошлом, а, *во-вторых*, представить и понять модернизацию в качестве главного фактора, определяющего состояние и перспективы развития современного российского общества. Существенно, что выстраивая свою периодизацию Российской истории с учетом существующих в историческом знании схем (Н.М. Карамзин, С.Н. Платонов, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев), автор, принимая во внимание сложившиеся оценки и подходы, всегда остается в рамках социально-философского подхода к проблеме. Это ей не раз давало возможность показать, что такой подход позволяет не только «организовать» исторический процесс по значимому критерию, с точки зрения его поступательного движения, но и найти в историческом материале ответы на вопросы настоящего времени.

Руководствуясь выбранным принципом, Федотова рассмотрела исторически складывавшиеся формы взаимосвязи архаики, традиции и инновации в историческом движении России от Древнего периода (VIII–XIII вв., родовой, общинный быт) к Среднему периоду (XV–XVIII вв, Московская Русь) и от него — к Новому периоду (с начала XVIII до начала XIX, Императорская Россия)[Федотова 2016, 89–91], отмечая растущую на каждом историческом этапе роль инноваций. В книге убедительно показано, как начиная с Нового периода развитие российского общества (его экономики, социальной структуры, культуры, национального само-

сознания) шло в жесткой связке с процессом модернизации, которая, в свою очередь, испытывала на себе доминирующее влияние либо архаики, либо традиции, либо инновации, что, в конечном счете, и определяло ее общий вектор, а с этим — и характер эпохи (эпоха Александра I, Николая I, эпоха Великих реформ Александра II). Избрав за критерий периодизации не рост могущества государства и не расселение народа (принятые среди историков), а способность российского общества к *инновационным изменениям*, Федотова увязала каждый из обозначенных ею исторических этапов с типом модернизационных преобразований, доказательно противопоставив свою периодизацию установившемуся «делению» российской истории на Древнюю Русь, допетровскую и новую, петровскую и послепетровскую. «Именно эта периодизация, — пишет Федотова, — кажется мне несостоятельной исходя из модернизационных критериев, хотя она вполне удовлетворяет как критерию значимости государства Карамзина, так и критерию завершения расселения русского народа и образованию Российской империи Ключевского» [Федотова 2016, 93]. Выбранный подход оказался в исследовательском отношении очень плодотворным, он позволил выявить реальные механизмы взаимосвязи экономической, политической и культурной сфер общественной жизнедеятельности в общем для них социально-историческом пространстве на разных этапах жизни российского общества.

В контексте предложенной периодизации особое место в книге занимает анализ реформ Петра Первого. Справедливо оценивая их в парадигме «вызов-ответ», автор показывает, что реформы были инициированы, прежде всего, военными угрозами со стороны стран Запада и потому своей первичной целью имели защиту западных российских границ. «К западу он обращается, чтобы освоить его технические и военные достижения и в конечном итоге защитить Россию от Запада, от возможности попыток колонизировать Россию, — пишет Федотова. — Но именно факт спасения России от колонизации и обеспечения ее независимого развития составляет величайшую заслугу Петра» [Федотова 2016, 96]. Да, это бесспорно так, поэтому Россия, по словам Пушкина, вошла в Европу как спущенный корабль при стуке топора и громе пушек. Но даже в следовании этой очевидно военной цели, Петр I решал одновременно важнейшую в его понимании социокультурную задачу — *вхождение страны в европейское культурное пространство*. Эта тема вошла в авторский анализ. Но мне представляется, что ей можно было бы уделить большее внимание. Петр понимал, что военное усиление страны само по себе не обеспечит ее включение «на равных» в сообщество западных стран: сила пушек должна «страховаться» культурным потенциалом страны. И он был убежден, что для таких устремлений есть весомые основания: приняв через восточное христианство основы антично-византийского культурного наследия, страна еще в XII веке *вошла в европейское культурное пространство на правах «части целого»*. Это навсегда определило ей быть не Востоком, а именно Европой. Благодаря «византийскому воспитанию» Россия усвоила и несла в себе предпосылки европейского типа культурного развития, и это придавало Петру уверенность в том, что раз-

виваться в русле последнего — это *естественный* для нее путь, что следуя ему, ей не обязательно «бежать наперегонки» с Европой. В чем-то она и сама может дать ей «лишний шанс». Знаменательны слова, сказанные Петром, когда за заслуги перед отечеством Сенат удостоил его титулом Императора: «Россия, — сказал Петр, — не будет очередной Византией, павшей от собственной слабости и ничтожества». Эти слова нового императора адекватно выражали его устремления выдержать/удержать *социальную направленность* начатых им, в самом деле, преимущественно военных, реформ. Надо признать, оценивая его усилия «post factum», что это, пусть и не в полной мере, ему удалось, придало им характер именно *модернизационных преобразований* (т.е. *расшитавших* границы российского традиционного общества). В доказательство этого тезиса я позволю себе остановиться на нескольких сюжетах.

Петр I решительно встал на борьбу с необразованностью и «леностью ума» подрастающего поколения. Уже в начале XVIII века были созданы первые светские школы, сыгравшие свою роль в качестве своеобразных «форпостов» *отечественной системы образования* (1). Введение гражданского шрифта позволило основать первую публичную газету — «Ведомости». Этому сопутствовало открытие Публичной библиотеки и первого отечественного музея (Кунсткамеры). В 1725 г. была создана Петербургская Академия наук. Петр «прорубил окно в Европу» не только потому, что ему было «тесно» и «темно» (хотя и поэтому тоже), а потому и *для того*, чтобы Россия, посмотревшись в нее как в зеркало, *нашла решение своих проблем*. Именно поэтому (а не из-за вспыльчивости характера) он решался на такие признания: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны вернуться задом». «Задом» к Европе Россия не повернется никогда, потому, что заложенные Петром предпосылки для духовного развития страны обеспечили появление культуры, не только «соравной европейской», но и позволявшей смотреть на Европу «с другого берега». Эта культура несла в себе открытость новому, способность увидеть по-своему то, что уже было видено другими, принять в себя то, что ранее не виделось никем. Новизна и значимость Петровских реформ в этой сфере были связаны не с вестернизацией, элементы которых, конечно, имели место, и порой проявлялись с навязчивой (а иногда и с уродливой) настойчивостью, а в создании условий для развития отечественной светской культуры, сыгравшей в дальнейшем решающую роль в историческом движении страны по пути общечеловеческого развития. Культурная «перестройка» общества входила в контекст петровских преобразований на правах необходимой составляющей.

Еще один сюжет. Петр начал перестройку государственного аппарата (правда, используя в качестве образца шведские учреждения, приспособив их к российским условиям), в ходе которой им были определены полномочия Сената, вместо прежних приказов были созданы коллегии, взамен патриархии утвержден статус Синода, введена Табель о рангах, открывавшая возможность неродовитым чиновникам переходить в ряды дворянства. Одновременно была проведена губернская реформа, учреждены городские магистраты. Примечательно, что основанные Пе-

тром Учреждения просуществовали долго: Сенат и Табель о рангах — до 1917 г., Синод — до 1918 г., губернское деление — до 1924 г. Что это — только свидетельство особой чувствительности России к архаике как способу общественной и индивидуальной жизнедеятельности? Думаю, не только. Было в этих преобразованиях то, что реально приближало страну к Европе, удерживало, в смысле сохраняло для нее, пусть порой по видимости, а не по сути, цивилизационные основы Нового европейского времени. По свидетельству историков, с 1700 по 1720 гг. было издано более 1700 законодательных актов, большинство из них, естественно, касались реформ в армии и создания боеспособного флота, но часть из них была направлена на совершенствование политики в отношении строительства заводов и фабрик, закладки новых городов. К концу Северной войны были отменены жесткие монополии в сфере экономики, стало поощряться частное предпринимательство. Одновременно с реформой управленческих структур расширялись пределы Российского государства на востоке. Отмечу как важный и знаковый факт — основанием политики в отношении присоединенных земель была *практика социальной ассимиляции*, при которой верхи местной власти включались в состав господствующих сословий России (как тут не вспомнить сегодняшнюю практику мультикультурализма с ее просчетами!). Известно, что правящая российская элита XVIII — первой четверти XIX в. отличалась большой пестротой национального состава и была толерантна по отношению к культуре и национальным традициям новых народов, вошедших в состав российской империи. Закладывая основы новой государственности, Петр дал мощный импульс социальной активности своим подданным, заставив их поверить, что шанс есть у каждого безотносительно к конфессиональной, национальной и социально-сословной принадлежности.

Конечно, реформы Петра оставляли Россию в границах традиционного общества, и Федотова бесспорно права, когда пишет, что начатые Петром Первым инновации и последующая деятельность Елизаветы и Екатерины оставляли Россию «в русском традиционном обществе, в истории, еще не ставшей современностью» [Федотова 2016, 98]. Но их размах и глубина определили для страны «историческую точку невозврата». И это главное. Поэтому мне представляется, что есть основания оценивать петровские преобразования как *начало модернизации* российского общества, пусть не всегда удававшейся и «отягощенной» поведением вспылчивого неуравновешенного характера самодержца, но *обозначившее включение России в общее движение европейских народов*. И именно поэтому обращение к ним позволяет увидеть, понять, то начало, которое, во многом объясняет будущие российские коллизии, позволяет рассмотреть *российскую историю* через призму значимых для нее событий, социальных потрясений и взрывов, военных побед и поражений, объединенных в единый поток, движимый одновременно инновационными импульсами и национально-культурными традициями, исторически сложившимися особенностями образа жизни народа, его отношений с властью, государством, церковью.

Сказанное мной отнюдь не направлено против предложенной Федотовой методологии периодизации российской истории в соответствии с

проходимыми страной формами и стадиями модернизации. Эвристические возможности этой методологии очевидны, что доказывает осуществленное автором исследование.

Начало подлинно модернизационных преобразований как свидетельство перехода России в Новое время Федотова справедливо связывает с царствованием Александра II, инициатором отмены крепостного права, ликвидации сословного неравенства перед законом и на этой основе целой серии реформ, значимых для продвижения России по пути модернизации в соответствии с теми идеями, на которых строилась жизнь западноевропейских стран. Проводником этих идей в общественном сознании стал либерализм (П.И. Новгородцев, Вл. Соловьев, П.Б. Струве, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский). Главными направлениями ускоренного поступательного развития утвердились: 1) индустриализация, по «европейскому образцу», 2) разрушение сословных границ традиционного общества, 3) изменение российской государственности в сторону конституционной монархии, 4) становление гражданского общества и основ правового государства, 5) модернизация системы образования [Сиземская 2016]. *Принятая либеральная модель развития учитывала исторически складывавшиеся национальные особенности экономики и государственного устройства российского общества.* «С Александра II, — приходит к выводу Федотова, — Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему — догоняющей моделью модернизации, индустриализация, капитализм — целью, которую надо выполнить. В XX век Россия вступила с этими заветами» [Федотова 2016, 101]. Похоже, что эти заветы сохранили свою привлекательность и для сегодняшней власти: как и прежде государственные институты пытаются нейтрализовать роль гражданского общества и активных звеньев разнообразных общественных и политических союзов, заставляют думать, что все инновации в России возможны лишь с санкций «сверху». Видимо, в самом деле, как замечает Федотова, «русский мир — это система власть-народ, взятая в метафизическом, религиозном и ценностно-духовном смысле» [Федотова 2016, 102].

В монографии дается обстоятельная характеристика александровской эпохи как главной вехи, обозначившей вступление России на путь комплексной модернизации, подготовившей следующий виток российской истории — Октябрь 1917 г.; социалистическая индустриализация; перестройка конца 80-х — начала 90-х гг. XX в.; последующие, не менее богатые инновациями, дни. Этот раздел книги, как и предыдущие, строится на тщательно выверенном анализе большого материала с учетом сложившихся в современном знании теорий и моделей модернизации.

Подводя итог своим впечатлениям от монографии В.Г. Федотовой «Модернизация и культура» еще раз подчеркну, что книга обозначила новую веху в социально-философской разработке проблем модернизации. Последняя благодаря введению в исследовательский контекст исторического опыта России обрела еще один инновационный исследовательский аспект. Предложенный в его рамках критерий периодизации российской истории выявил актуальный для наших дней вектор интерпретации мо-

дернизации: она всегда означала, означает (и будет означать!) движение не к совершенному, как предупреждает эпиграф книги, а к *современному обществу*. Именно в *этом* состоит ее главная историческая, т.е. социокультурная задача. Поэтому, во-первых, думая об обществе совершенном, что свойственно человеческому сознанию от природы, не следует впадать в излишние иллюзии относительно возможностей, которые несет с собой модернизация, а во-вторых, задумываясь о будущем человечества, следует помнить: только модернизация, обеспечивая *инновационное развитие*, т.е. необходимую социальную динамику, конструирует адекватную ожиданиям нового поколения *эпоху современности*.

Я уделила особое внимание проблемам истории России сквозь призму задач модернизации как совпадающую с моими собственными научными интересами. Но спектр рассуждений, охватываемый книгой, значительно шире. Она рассматривает роль культурных факторов в меняющихся теориях и практиках модернизации, показывая их растущее значение в изменении самого понимания этапов модерна и модернизации. Особое внимание уделено политической модернизации и проблеме построения гражданского общества в России. Автор рассматривает здесь проблему политической культуры, адекватной гражданскому обществу; три типа отношения к политике — дополитическое, политическое, постполитическое; анархию и апатию; динамику и механизмы ценностных изменений общества. В монографии показано возрастающее значение культур в модернизациях XXI в., которое распространяется на незападные страны — Китай, Индию, Вьетнам, латиноамериканские общества, принимая характер национальных моделей модернизации. Обсуждается проблема мультикультурализма и региональных модернизаций, появление множественных модернизаций, в отличие от тех, которые доминировали прежде.

Книга будет интересна специалистам разного профиля и всем, кого волнуют проблемы нашего настоящего и будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Были открыты пушкарская, навигационная (математическая), инженерная школы, появились специальные цифирные школы, выполнявшие функцию начального образования, медицинские училища, готовившие фельдшеров для армии.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сиземская 2016 — *Сиземская И.Н.* Модернизационные проекты и практики в историческом опыте России // *Философская мысль* (Электронный ресурс). 2016. № 7. С. 69–88.

Федотова 2016 — *Федотова В.Г.* Модернизация и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2016.

Федотова 1997 — *Федотова В.Г.* Модернизация «другой Европы». — М.: ИФ РАН, 1997

Федотова, Колпаков, Федотова 2008 — *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008.

Федотова (ред.) 2010 – Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2010.

Федотова (ред.) 2012 – Меняющаяся социальность: контуры будущего / отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2012.

Федотова (ред.) 2013 – Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2013.

Федотова, Колпаков (ред.) 2014 – История модернизации как предмет социально-философского анализа / отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. – М.: ИФ РАН, 2014.

SOCIO-CULTURAL PURPOSES AND MEANINGS OF MODERNIZATION

Book review: *Fedotova V.G. Modernization and culture. – Moscow, Progress-Traditsia, 2016. – 336 p.*

I.N. SIZEMSKAYA

Sizemskaya, Irina – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Social Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, D.Sc. in Philosophy.
sizemskaya@mail.ru

Citation: *SIZEMSKAYA I.N.* (2017) Socio-Cultural Purposes and Meanings of Modernization. Book review: *Fedotova V.G. Modernization and culture. – Moscow, Progress-Traditsia, 2016. – 336 p.* In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 3, pp. 136-144.

REFERENCES

Fedotova V.G. (2016) *Modernization and Culture*. Progress-Traditsia, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G. (1997) *Modernization of the "Other Europe"*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. (2008) *Global Capitalism: the Three Great Transformations. Socio-Philosophical Analysis of the Relationship Between Economy and Society*. The Cultural Revolution, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G. (ed.) (2010) *Changing Sociality: New Forms of Modernization and Progress*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G. (ed.) (2012) *Changing Sociality: Contours of the Future*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G. (ed.) (2013) *Socio-philosophical Analysis of Modernization: Theories, Models, Experience*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Fedotova V.G., Kolpakov V.A. (eds.) (2014) *The History of Modernization as a Subject of Social and Philosophical Analysis*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2016) 'Modernization Projects and Practices in the Historical Experience of Russia'. In: *Filosofskaya mysl*. 2016. Vol. 7, pp. 69-88.